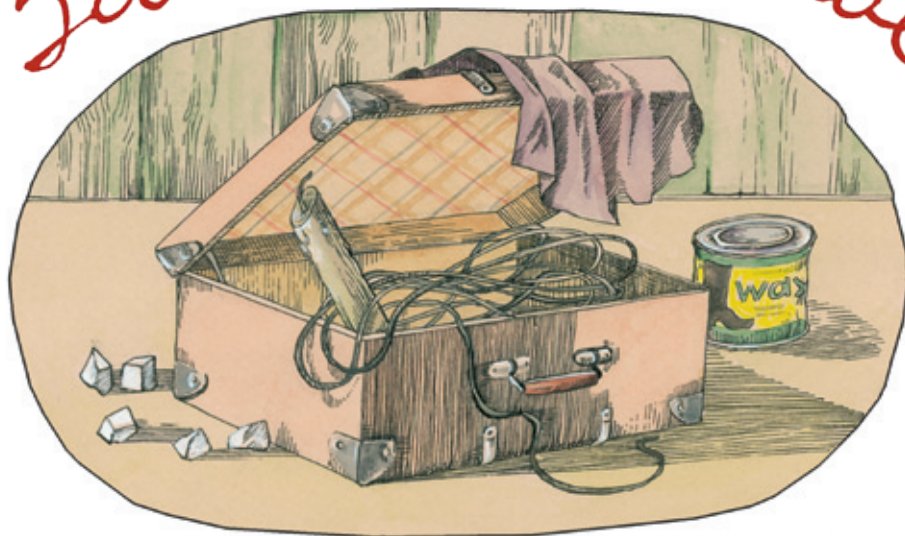

Замечательное

ПУТѢШЕСТВИЕ

«Если, однако, велишь, то о
странствии трудном (...)
Все расскажу я»

Гомер «ОДИССЕЯ»

Когда Одиссей не явился к ужину, я пожал плечами, по обыкновению оставил на столе блюдечко с молоком и ушёл спать.

Утром, спустившись на кухню и увидев нетронутые сухари и ночного

мотылька, барахтающегося в молоке, вдруг заволновался. Одиссей и раньше любил побродяжить, но утром я всегда заставал его заснувшим тут же у пустого блюдечка или похрапывающим в старой плетёной сухарнице.

Я растерянно бродил по дому, тербил занавески и заглядывал под диваны. Машинально открыл дверь кладовки: сломанный уют, кожаный мяч, соломенная шляпа с цветами, насос, медный подсвечник... Обычная хозяйственная дребедень. Только... Чего-то не хватало... Чемодана! Почти нового, с маленькой незаметной дырочкой от гвоздя.

Я метнулся в библиотеку (так гордо унасименовался закуток под лестницей с этажеркой и промятым гобеленовым креслом в стиле «жалковыбросить») и... выдохнул с облегчением — книга была на месте. Опустился в кресло и прикрыл глаза. Мне вспомнились блестящие бусинки Одиссея, нетерпеливо шуршащего страницами. Тогда я сурово нахмурил брови и сказал ему:

— Поаккуратнее, дружок, это всё-таки не газета!

Да. Именно так я и сказал:

— Это всё-таки Гомер, а не «Дейли телеграф»!

Тут мой лоб покрылся холодными каплями. Я схватил нашу любимую книгу и пролистал. Так и есть! Страницы со странствиями Одиссея были вырваны!

Вдруг одна за одной выстроились в ряд все замеченные мною мелочи: исчезнувшая в понедельник сальная свечка, моток бумажной бечёвки (я искал его в среду, чтобы перевязать свёрток), мой шёлковый платок в четверг, пять кусочков колотого сахара из синей вазочки (тогда я подумал на Джима — этого шустрого соседского мальчишку), наконец, жестянка с ваксой. Ну, насчёт последней пропажи я был не совсем уверен — Одиссей решительно не носил ботинок с того

самого дня. С того самого дня, когда я впервые прочитал ему о приключениях его легендарного тёзки. Глупый мышонок, как он хотел быть похожим на него!

И вот. Поэтому. Вчера. Вечером. Он схватил чемодан и отправился в путь!

Похожий на бобра начальник речного вокзала недоверчиво переспросил:— Мышонка с чемоданом?

— Да-да, белого мышонка с вот таким чемоданом, — я развёл руки, показывая размер чемодана.

— Сожалею, сэр, с таким чемоданом ни одна мышь не садилась на вечерний пароход. — И начальник станции ушёл, покачивая своей бобриной головой.

Я остался на пристани, тупо глядя на расставленные руки.

Абсурдность моего предположения была очевидной.

— Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?* — передо мной стоял чужак Билл (наш местный сумасшедший) и понимающе щерился. Я сунул в его засаленный жилет десятицентовик, но Билли, не отставая, семенил рядом и бубнил:

— Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?

Ну, конечно! Я помчался к Литтл Роуп — ручью, бывшей обмелевшей речке, который прижимался блестящим боком к яблоневому саду за нашим домом, а потом весело, вприпрыжку скакал по замшелым камням к Зброшенной Мельнице.

Около дома я перевёл дух и, под-

* Гомер «Одиссея»

гоняемый нехорошим предчувствием, свернул в сад. Мокрые от росы садовые скамейки, поливочный шлаг, лейки... Привычную картину нарушала ровная полоса примятой травы, словно маленький трактор, огибая деревья, съехал к ручью. Трактор размером с чемодан!

Старый дурак! Кому ты читал эти греческие бредни! Зачем говорил, что «океан — это река, обтекающая всю Землю»^{*}! И теперь шальные воды Литтл Роуп несут чемодан с Одиссеем к Зброшенной Мельнице, к Горбтому Мосту... Прямо в открытое море!

Я никогда не был хорошим бегуном, но, будьте уверены, до Зброшенной Мельницы я добежал, наверное, быстрее Джима (этого шустрого соседского мальчишки). Единствен-

^{*} Древние греки считали, что река обтекает Землю

ное, чего мне не хватало, — это юных зорких глаз, чтобы взглянуть в шелевые заросли.

Пока я протираю запотевшие очки, у моих ног, дёргая худой полосатой спиной с приставшими листьями, появился огромный кот и выжидательно уставился на меня единственным глазом.

Голодный кот и мышонок, запутавшийся в ивняке! Что может быть ужасней!

— Цикло-о-оп! Киска! Где ты? — слышалось сзади.

В тот же миг одноглазое чудовище

промчалось мимо. На ступенях мельницы в своём неизменном чепчике стояла мисс Торнтон и держала в руках фарфоровую миску.

— Мельник уехал, вот и кормлю страдалца.

— Юными мышками? — скривился я.

— Ну что вы! Овсянкой! Он же совсем беззубый. А вы шутник, — мисс Торнтон погрозила мне сухоньким пальцем.

Сняв шляпу, я попрощался с этой благородной женщиной и, слегка успокоенный, побежал вдоль ручья.

Всё в этот день казалось мне лживым и притворным. Малиновки пели сиренами, а невинные кувшинки напоминали о сладких лотосах и потерянной памяти. На бегу вытряхивая из мокрых парусиновых туфель острые камешки и вытирая очки, я добрался до Горбатого Мостика. На нём воробьями сидели мальчишки.

— Добрый день, сэр, — соседский Джим помахал мне самодельной удочкой.

— Как улов, Джимми? — пропыхтел я. — Ничего, кроме этого паршивого чемодана!

— Это мой чемодан, Джим, — сказал я тихо.

— Простите, сэр, но, может быть, в

следующий раз отправляясь в путешествие, вы положите туда хотя бы пару носков?

— В нём точно ничего не было?!

— Там ещё было сто пенсов, но мы их бросили в воду. На удачу! — захохотали мальчишки.

Возможно, в другой раз их шутка и показалась бы мне смешной, но сейчас я в отчаянии трусил вдоль ручья, пытаюсь найти хоть какой-нибудь знак, хоть какую-нибудь ниточку.

И я её нашёл. Не ниточку, а ту самую бумажную бечёвку! Её лохматый обрывок с одного конца трепал

беспощадный Литтл Роуп, а другой был прихлопнут гнилыми зубами страшной чёрной коряги.

Я представил Одиссея, обёрнутого моим шейным платком, как тогой. Представил, как корабль-чемодан качают быстрые волны, как острые камни царапают фибровые бока, как вода юркой змеей пробирается в маленькую дырочку от гвоздя. Капитан выбрасывает и подмокший сахар, и ненужную свечку, делает из бечёвки лассо и закидывает его на чудовище-корягу, пытается прибиться к берегу, размокшая бумага рвётся, но мышонок из последних сил ухватывается за скользкий сучок.

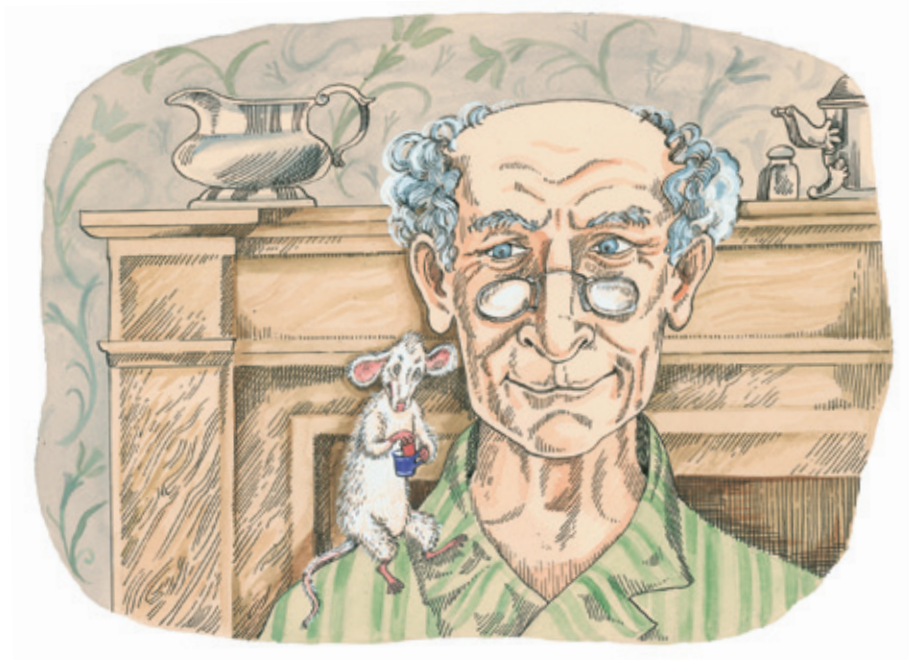
Я опустился на колени, разглядывая сырой прибрежный песок, и вдруг отчетливо увидел цепочку мелких следов. Без сомнения, Одиссей был жив! Но мою короткую радость тут же захлестнуло тёмное отчаяние — рядом со следами моего друга мутными зловещими озерцами были отпечатки какого-то большого когтистого зверя. Сначала гигантские лапищи

неотступно сопровождали знакомые лёгкие ножки, потом крупные следочки пропали и по песчаному берегу к верхней дороге поднимались только когтистые...

...И вот тут я заплакал.

Не помню, как добрался до дома, как открыл дверь. Помню только, что ноги мои в парусиновых туфлях разъехались и я, оказавшись на полу, увидел чёрные жирные пятна. Они были везде — на коврике, на моих тапках, даже на стене. Врождённое любопытство побороло воспитанную брезгливость, и я потёр пальцем коврик. Хм... что-то знакомое. Ну конечно! Это была обувная вакса!

Ошарашенный, я направился в ванную комнату и, застыв на пороге, закричал от неожиданности: в оцинкованном тазике (том самом, где обычно купался Одиссей) весь в радужной пене сидел неизвестный мне черный мышонок и благостно щурился.

Я что-то промычал, попятился и сел на корзину для грязного белья, а нахальный незнакомец щедро натёр себя душистым обмылком и сказал:

— Подай полотенчко.

Не глядя, я сунул ему махровую салфетку. Пришелец вытирался и приговаривал:

— Дом, милый дом...

Этого я уже стерпеть не мог. Полный гневной решимости выставить самозванца, я вытряхнул его из салфетки.

НА ПОЛУ СИДЕЛ ОДИССЕЙ. Чистый и довольный.

— Твой шёлковый платок, наверное, унесло в открытое море, — вздохнул Одиссей, макая в молоко сухарик.

— Ерунда, — ответил я.

— И прости, что извёл ваксу. Сначала я намазался, чтобы походить на него (тут он возвёл глаза к потолку), а потом эта мазилка удержала меня на воде. Я ведь не умею плавать, ты знаешь.

— Знаю, — ответил я.

— А этот пёс, Бакстер, оказывается, отличный парень и бегаёт быстро. Это он заметил меня на берегу и предложил подбросить до дома.

Мы помолчали, глядя на огонь в камине.

И Одиссей сказал:

— Это было замечательное путешествие, Гомер, замечательное...

Да. Именно так он и сказал.